

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ ПОДВЕСОК

С. Н. ТЕМУШЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается проблема функционального назначения трапециевидных подвесок, обнаруживаемых археологами на территории Восточной Европы и датировемых X–XI вв. Металлические или (реже) костяные подвески содержат изображения княжеских родовых знаков, которые позволяют выяснить их атрибуцию – принадлежность известным по летописным источникам правителям Древнерусского государства. Появление трапециевидных подвесок связывается с функционированием одной из отраслей государственного управления – налогово-даннической системой. Подвески являлись своеобразными верительными грамотами представителей княжеской администрации, вступавших в отношения с местным населением в качестве судей и сборщиков налогов/дани, т. е. в тех сферах, которые относились к княжеским полномочиям. Прекращение использования трапециевидных подвесок необходимо связывать с изменениями, произошедшими в форме государственного устройства Древнерусского государства и вместе с тем в организации взимания материальных благ у подвластного населения. Изображения княжеских знаков на подвесках позволяют сделать определенные выводы об особенностях осуществления управления на территории Древней Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь; государственное управление; налогово-данническая (фискальная) система; князь Рюриковичи; трапециевидные подвески; родовые знаки; знаки собственности (тамги); данники и вирники.

ДА ПЫТАННЯ АБ ПРЫЗНАЧЭННІ СТАРАЖЫТНАРУСКІХ ГЕРАЛЬДЫЧНЫХ ПАДВЕСАК

С. М. ЦЕМУШАЎ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца праблема функцыянальнага прызначэння трапецападобных падвесак, якія выяўляюцца археолагамі на тэрыторыі Усходняй Еўропы і датуюцца X–XI стст. Металічныя або (радзей) касцяныя падвескі ўтрымліваюць выявы княжацкіх радавых знакаў, якія дазваляюць высветліць іх атрыбуцыю – прыналежнасць вядомым па летапісных крыніцах уладарам Старажытнарускай дзяржавы. З’яўленне трапецападобных падвесак звязваецца з функцыянаваннем адной з галін дзяржаўнага кіравання – падаткова-данніцкай сістэмай. Падвескі з’яўляліся своеасаблівымі «даверчымі граматамі» прадстаўнікоў княжацкай адміністрацыі, што ўступалі ў адносіны з мясцовым насельніцтвам у якасці суддзяў і зборшчыкаў падаткаў/даніны, гэта значыць у тых сферах, якія адносіліся да княжацкіх паўнамоцтваў. Спыненне выкарыстання трапецападобных падвесак неабходна звязваць са зменамі, якія адбыліся ў форме дзяржаўнага ладу Старажытнарускай дзяржавы і разам з тым у арганізацыі збірання матэрыяльных выгод у падуладнага насельніцтва. Выявы княжацкіх знакаў на падвесках дазваляюць зрабіць пэўныя высновы аб асаблівасцях ажыццяўлення кіравання на тэрыторыі Старажытнай Русі.

Ключавыя словы: Старажытная Русь; дзяржаўнае кіраванне; падаткова-данніцкая (фискальная) сістэма; князі Рурывічы; трапецападобныя падвескі; радавыя знакі; знакі ўласнасці (тамгі); даннікі і вірнікі.

Образец цитирования:

Темушев С.Н. К вопросу о назначении древнерусских геральдических подвесок. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2018;4:75–82.

For citation:

Tsemushau SN. To the question of the appointment of old Russian heraldic pendants. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2018;4:75–82. Russian.

Автор:

Степан Николаевич Темушев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России исторического факультета.

Author:

Stsiapan N. Tsemushau, PhD (history), docent; associate professor at the department of history of Russia, faculty of history.
stepnik_bsu@tut.by

TO THE QUESTION OF THE APPOINTMENT OF OLD RUSSIAN HERALDIC PENDANTS

S. N. TSEMUSHAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The problem of the functional purpose of trapezoidal pendants, which are discovered by archaeologists in the territory of Eastern Europe and dated to the X–XI centuries, is considered. Metal or (more rarely) bone pendants contain images of princely patrimonial signs that make it possible to ascertain their attribution – belonging to the rulers of the Old Russian state, known from chronicle sources. The appearance of trapezoidal pendants is associated with the functioning of one of the branches of public administration – the tax-tributary system. Pendants acted as a kind of «credentials» representatives of the prince's administration, who entered into relations with the local population as judges and tax collectors, that is, in those areas that belonged to the number of princely powers. The termination of the use of trapezoidal pendants must be associated with changes that occurred in the form of the state structure of the Old Russian state and at the same time in the organization of the collection of material goods from the subordinate population. Images of princely signs on pendants allow you to draw certain conclusions about the features of the implementation of management in the territory of Ancient Rus.

Key words: Ancient Rus'; public administration; tax-tributary (fiscal) system; princes of Rurikids; trapezoidal pendants; patrimonial signs; signs of ownership (tamghi); danniki and virniki.

Трапезиевидные подвески, изготовленные из серебра, меди или кости, на которых непременно присутствуют изображения древнерусских княжеских знаков, довольно давно попали в поле зрения исследователей истории Древней Руси. В основном данный вид сфрагистических памятников используется для изучения проблем возникновения древнейшей восточнославянской геральдики, в свою очередь, атрибуция отдельных геральдических знаков позволяет реконструировать политическую историю Древней Руси (см. [1, с. 79–91; 2, с. 143–144]). Между тем, несмотря на признаваемую почти всеми исследователями принадлежность трапезиевидных подвесок представителям княжеской администрации, эти свидетельства древнерусского прошлого практически не используются при рассмотрении проблем, связанных с функционированием важнейших отраслей государственного управления – судебной и фискальной.

По вопросу о назначении трапезиевидных подвесок с геральдическими знаками существует довольно значительный разброс мнений: от обнаружения в них простых украшений или «сакральных и даже специальных женских знаков» [3, с. 82] до признания их официального характера [4, с. 78]. Уже в самых ранних публикациях подвески рассматривались исследователями в качестве «отличительного знака, присвоенного какой-либо должности» (П. Н. Климковский)¹. Нечто большее, чем простое украшение, видел в подвесках и стоящий у истоков российской нумизматики и сфрагистики Н. П. Лихачев. Он сравнил древнерусские подвески (располагал сведениями всего о двух подвесках из Киева и Новгорода) с пластинками с геральдическими изображениями из средневековой Западной Европы, служившими украшениями сбруи коня

рыцаря [6, с. 171]. Из дальнейших размышлений исследователя понятно, что предметы с изображениями родовых знаков князей Рюриковичей он рассматривал как владельческие знаки, знаки собственности – тамги. Об официальном характере подвесок писал в свое время А. В. Орешников [7, с. 94, 95].

Одним из первых попытался определить назначение подвесок Б. А. Рыбаков. В статье 1940 г. историк провел аналогию между древнерусскими подвесками и татарскими пайцзами: и те, и другие имели сходный способ ношения и указывали на принадлежность правителю (посредством изображения знака древнерусского князя и имени ордынского хана соответственно). Таким образом, древнерусские подвески выступали в качестве своего рода верительных грамот, которыми наделялись княжеские посадники, даньщики, тиуны, вирники [8, с. 239].

Во второй половине XX в. значительное внимание изучению трапезиевидных подвесок уделил А. А. Молчанов. Признавая официальный характер подвесок, историк видел в них прежде всего купеческие «верительные грамоты» [4, с. 81–84]. По его мнению, скромные медные подвески никак не могут быть отнесены к атрибутам власти лиц великокняжеской администрации, служить знаками отличия для старших дружинников. Этот вывод подтверждает и концентрация находок подвесок в крупнейших городских центрах «вместо более или менее равномерного распределения по всей бывшей территории Киевского государства» [4, с. 79]. В целом возможной сферой применения подвесок может быть только «дипломатическое и внешнеторговое представительство, тоже имевшее общегосударственное значение» [4, с. 79]. Для выяснения функционального предназначения древнерусских подвесок

¹Это мнение П. Н. Климковский высказал в докладе на заседании нумизматического отделения Русского археологического общества 28 октября 1913 г. [5, с. 7].

большое значение имеют выводы А. А. Молчанова об их сходстве с известными из скандинавских источников *jartegnir* – специальными «верительными знаками», призванными удостоверить официальный характер миссии, возложенной правителем на их держателей [9, с. 184–186]. С характеристикой древнерусских подвесок как «верительных знаков» купцов не согласился В. Л. Янин. Крупнейший специалист по новгородским древностям однозначно усмотрел в подвесках «верительные знаки» сборщиков судебных пошлин – вирников [10, с. 154].

Новые находки трапециевидных подвесок с геральдическими знаками заставляли исследователей вновь обратиться к проблеме определения их назначения. В обнаруженных в ливских женских погребениях подвесках (датируются XII веком) В. П. Петренко видел женские украшения и считал, что изображенные на них трезубцы «использовались в качестве сакральных и даже специальных женских знаков» [11, с. 58, 59; 3, с. 82]. Находка серебряной подвески в погребении из Рождественского могильника в Прикамье стала основанием для подтверждения П. Б. Крыласовой мнения А. А. Молчанова о принадлежности подобных предметов купцам. В подтверждение своего мнения исследователь напомнила об упомянутом В. Н. Татищевым торговом договоре 1006 г., заключенном болгарями с Владимиром Святославичем. Согласно данному сообщению болгарские купцы получили от киевского князя печати для беспрепятственной торговли [12, с. 195–196]. В погребении одного из этих болгарских купцов и была оставлена подвеска с княжеским родовым знаком. Не сомневались в интерпретации трапециевидных подвесок как «верительных княжеских знаков» исследователи подобной находки в Пскове в 1976 г. И. К. Лабутина и Э. В. Королёва [13, с. 23–24; 14, с. 171–195]². В то же время найденной на территории Латвии (городище Даугмале, слой XI в.) подвеске исследователь Е. Л. Назарова отказала в официальном характере: «Считать ее атрибутом официального лица начала XI в. без дополнительных подтверждений нет оснований» [16, с. 180].

Современные исследователи в целом сходятся во мнении об «официально-государственной принадлежности» трапециевидных подвесок, хотя имеются отличия в конкретизации сферы их употребления. Впрочем, во многих случаях в современных исследованиях трудно обнаружить конкретизацию предназначения древнерусских трапециевидных подвесок. Так, С. М. Михеев пишет, что официальные подвески со знаками Рюриковичей предположительно могли служить опознавательными значками вирников, тиунов или каких-либо других княжеских чиновников

[17, с. 59]. С. В. Белецкий в ряде работ последовательно проводит мысль о подвесках как о «верительных знаках официальных представителей великокняжеской власти» [18, с. 250]. Что касается конкретизации сферы их употребления, то исследователь, скорее, склоняется к купеческо-дипломатической сфере. Так, С. В. Белецкий отождествляет трапециевидные подвески с купеческими «печатами», упомянутыми в русско-византийском договоре 944 г., а также разделяет мнение историков о связи рассматриваемых сфрагистических памятников со скандинавской традицией употребления в дипломатических отношениях особых «верительных знаков» (*jartegnir*) [19, с. 268]. Значительный интерес представляют попытки историка атрибутировать геральдические знаки, присутствующие на трапециевидных подвесках. Так, наличие на подвесках лично-родовых знаков киевского великого князя и посаженного им на определенной территории наместника, по мнению С. В. Белецкого, свидетельствует о «полномочности держателя подвески выступать в своей деятельности от лица князя наместника, права которого определены верховным правителем государства» [2, с. 143]. К купеческо-дипломатическому характеру древнерусских подвесок склоняется и Т. Н. Джаксон, полностью отождествляющая их со скандинавскими «верительными знаками» (*jartegnir*). Подобными «охранными документами» наделялись либо иностранные купцы, либо лица, их сопровождавшие («сылы») [20, с. 121]. Предельно конкретен в своих выводах о предназначении древнерусских подвесок директор Института археологии Российской академии наук Н. А. Макаров. По мнению академика, трапециевидные подвески с княжескими знаками, выступающие в качестве символов власти, «атрибутируются как особые верительные знаки чиновников высокого ранга – сборщиков дани» [21, с. 54].

Представляется, что именно последнее мнение наиболее близко к истине. Данные предметы, несущие изображения княжеских знаков, необходимо рассматривать как особые «верительные грамоты» представителей княжеской администрации, а именно – данников (сборщиков дани) и тиунов (главным образом судебных чиновников). На это указывает география находок подвесок (в том числе на периферии Древнерусского государства) и время их бытования (не учитывая позднейшие имитации – подвески-реплики, которые также сами по себе показательны) [22, с. 24]. В то же время нет оснований говорить об иерархии в «средней и мелкой великокняжеской администрации» [4, с. 78–79] или относить подвески к атрибутам «чиновников высокого ранга» [21, с. 54]. Крайне примитивный

²С такой характеристикой согласен и С. В. Белецкий, резко выступивший против ранней датировки (первая половина XI в.) этой уникальной находки [15, с. 92–97].

государственный аппарат X – первой половины XI в. не имел какой-либо иерархии и в том числе в связи с этим нуждался в наглядных «верительных грамотах».

К настоящему времени количество находок геральдических подвесок – металлических или костяных предметов трапециевидной или фигурно-трапециевидной формы с ушком для подвешивания, на одной или обеих сторонах которых изображены княжеские знаки [22, с. 24] – приближается к двум сотням [22, с. 215–229]. При этом еще недавно в каталоге, подготовленном С. В. Белецким к 2004 г., насчитывалось 53 подвески, включая поздние подвески-реплики [18, с. 245–247]. К 2015 г. были учтены сведения уже о 163 геральдических подвесках и имелась информация о находках еще 13 подобных предметов [22, с. 24, 30]. К сожалению, все более частыми становятся случаи обнаружения рассматриваемых предметов (как и множества других) непрофессионалами, грубо нарушающими принципы археологических исследований и не публикующими в последующем ценнейшие источники (не говоря уже о соблюдении соответствующего законодательства).

Чрезвычайно важно отметить, что в настоящее время исследователи четко разделяют два периода бытования в Древней Руси геральдических подвесок. Если в первый период (X–XI вв.) подвески-оригиналы представляли собой «верительные знаки» княжеских «чиновников», то созданные во второй период (XII–XIII вв.) подвески-реплики являлись престижными женскими украшениями [24, с. 31–32]. В целом историю геральдических подвесок следует ограничить первым периодом существования Древнерусского государства (условно именуемым в новейшей литературе «дружинным») [25], также обнаруживается прямая связь между бытованием рассматриваемых предметов и особенностями политического строя Древней (Киевской) Руси. Эти особенности заключались в безусловном верховенстве киевского князя над всем древнерусским регионом и в осуществлении управления главным образом с помощью дружинной организации [25, с. 22; 26, с. 128–135]. В этот же период укладываются и два этапа функционирования налогово-даннической системы Древней Руси, на протяжении которых киевский князь выступал в качестве адресата дани со всей древнерусской территории (за исключением, по всей видимости, с 988 г. Полоцкой земли) [27, с. 5–8]³. Применительно к раннему периоду развития государственности справедлива мысль о том, что власть как раз и заключалась в легитимной возможности навязывать населению определенные обязательства и правила

поведения (в соответствии с обычным, а затем и письменно зафиксированным правом).

Предполагаемое использование подвесок в качестве главным образом «верительных грамот» княжеских сборщиков дани позволяет дать наиболее убедительное объяснение ограниченному времени их функционирования. Назначение древнерусских трапециевидных подвесок не вызывает сомнений: они были призваны удостоверить официальный, санкционированный верховной (княжеской, т. е. государственной) властью характер деятельности их держателей. В свое время А. А. Молчанов отметил, что «назначением рассматриваемых подвесок было нести великокняжескую эмблему, а причиной их появления явилась возникшая необходимость исполнения такой функции» [4, с. 79]. Потребность в этой функции возникла вследствие усложнения княжеского аппарата. Если при первых князьях Рюриковичах важнейшие функции управления, в том числе непосредственный сбор налогов/дани, как и осуществление суда, концентрировал в своих руках сам князь, то уже с середины X в. (после реформ княгини Ольги) часть этих функций была передана доверенным лицам. На местах сбор дани концентрируется в специально созданных пунктах – погостах [28]. Известно, насколько важным для раннесредневековых государств являлось личное присутствие верховного правителя при осуществлении властных полномочий. Особое значение имела передача населением правителю материальных благ. Сама возможность этого акта появлялась вследствие закрепления традиции подношения даров либо через завоевание [29]. И в первом, и во втором случае личное присутствие князя было необходимо. Однако с определенного времени это стало невозможным. «Княжие мужи», которые наделялись частью полномочий князя, с помощью «верительных знаков» наглядно демонстрировали право осуществлять эти полномочия. Речь, безусловно, шла о сборе налогов (дани) и осуществлении суда.

Все обнаруженные «официальные» подвески с княжескими знаками относятся к X – первой половине (или даже четверти) XI в. Вероятно, они выходят из употребления уже при Ярославе Владимировиче, после чего становятся предметом подражания [17, с. 59]. Таким образом, время бытования рассматриваемых предметов как раз укладывается в период «дружинного государства». К середине XI в. произошли серьезные трансформации в налогово-даннической системе Древней Руси, формируется постоянный княжеский административный аппарат, возможно, сбор дани концентрируется главным образом в городах, оформляется

³Однако это утверждение, безусловно принимаемое белорусской исторической наукой, может быть оспорено в связи с интереснейшими наблюдениями С. В. Белецкого над подвесками со знаками новгородского князя Владимира Ярославича и полоцкого князя Брячислава Изяславича [2, с. 144].

децимальная система. Население с этих пор постоянно вступает в фискальные и юридические отношения с одними и теми же лицами – княжескими «чиновниками» (тиунами). В особых визуальных «верительных знаках», княжеских эмблемах, они уже не нуждались. В это время отмечаются и симптомы политической децентрализации Древней Руси. Если судить по известному из летописи эпизоду с отказом новгородского на тот момент князя Ярослава Владимировича передавать 2/3 сборов со своей земли Киеву (известие под 1014 г.) [30, с. 58], то уже в первой половине XI в. проявляется стремление к переносу адресата дани из Киева в центры отдельных княжеств-земель. В итоге это станет основной причиной явления, известного как политическая раздробленность [31, с. 56–60].

Исследователи, вероятно, правы, обнаруживая истоки самой идеи использования визуальных отличительных знаков в скандинавской традиции *jartegnir*. Тот факт, что «скандинавской культуре довикинговского и викингского времени несвойственен сам принцип владельческих знаков, которые появлялись в форме руноподобных тамг не ранее XII в.» [32, с. 241], на что указывает Е. А. Мельникова, ничуть не противоречит подобному предположению. Проблема происхождения древнерусских подвесок может рассматриваться отдельно от проблемы происхождения княжеских знаков. Вполне определенно скандинавская традиция более древняя, чем период бытования трапецевидных подвесок на Руси. Так, из жития святого Ангария известно, что Ангар с подобным значком (*signum*) датского конунга Хорика в 850 г. путешествовал к конунгу шведов Олаву [33, с. 475]. Но в то же время был прав и А. А. Молчанов, который утверждал, что сама форма рассматриваемых подвесок не обнаруживает каких-либо следов заимствования [4, с. 79]. Весьма убедительно выглядят и предположения о заимствовании подобных предметов с установленным их функциональным назначением у финно-угорских народов [4, с. 77] или у ирано-тюркского населения [32, с. 248; 34, с. 439, 445].

Происхождение самих знаков Рюриковичей – отдельная проблема, но отметим вполне очевидную их связь со знаками собственности – тамгами (древнерусскими «знаменьями», «пятнами»), на что указывал еще Н. П. Лихачев [6, с. 195]. В этом отношении вполне логично, что княжеские знаки оказывались на пломбах или деревянных цилиндрических замках [35, с. 18–19]. На трапецевидных же подвесках княжеские знаки имели другое значение. Однако и в данном случае можно обнаружить указание на принадлежность самого должностного лица князю. Возможно, в этом обнаруживается известная из источников личная несвобода высокопоставленных лиц из княжеского окружения.

Утверждение о принадлежности рассматриваемых предметов прежде всего сборщикам дани (данникам) и судебным пошлин (вирникам) вполне убедительно объясняет и географию их находок. Открытие новых подвесок позволяет опровергнуть мнение А. А. Молчанова об их концентрации исключительно в «крупнейших городских центрах вместо более или менее равномерного распределения по все бывшей территории Киевского государства» [4, с. 78–79]. Видимо, как раз о равномерном их распределении в ареале древнерусской этнополитической общности и следует говорить. «Даннической» функциональной принадлежностью подвесок можно объяснить и раннее появление одной из них в низовьях р. Даугавы, на землях ливов (датируется не позднее 1010 г.). С. В. Белецкий предположил, что эта подвеска из Даугмальского городища являлась купеческим «верительным знаком», поскольку интересы Руси в земле ливов в это время были чисто экономическими [18, с. 290]. Представляется, что не менее важным «экономическим» интересом Руси была заинтересованность в сборе дани с периферийных территорий. Этим же обстоятельством могут быть объяснены находки древнерусских подвесок на северо-восточной (на р. Каме) и северо-западной (на р. Луге) периферии. География находок позволяет сделать еще один важный вывод о повсеместном распространении на всей территории Древней Руси, включая и Полоцкую землю, одинаковых принципов и механизмов организации власти и управления. Тем самым опровергается широко распространенное в последнее время мнение (характерное и для дореволюционной историографии) [36, с. 3, 5] об изначальном самостоятельном развитии отдельных древнерусских земель.

Исследователи не раз обращали внимание на, казалось бы, странное присутствие на одной подвеске двух княжеских знаков (на разных сторонах) [37, с. 139; 19, с. 250; 2, с. 143]. Эта характерная черта может быть вполне убедительно объяснена особенностями политической ситуации, а также организацией государственного фиска в Древней Руси. Так, геральдический знак на одной из сторон мог принадлежать киевскому «великому князю» – главному адресату дани, а второй знак – правителю отдельной земли, т. е. непосредственному сборщику дани, который в силу своего подчиненного («вассального») положения должен был отчислять 2/3 общих сборов в пользу верховного правителя, т. е. киевского князя. В эту схему хорошо вписываются уверенно атрибутированные знаки на подвесках, принадлежащие, например, Владимиру Святославичу и Ярославу Владимировичу [37, с. 139]. Весьма показательна также подвеска, обнаруженная в мужском погребении № 37 Рождественского могильника в Прикамье (та, которая Н. Б. Крыласовой приписана болгарскому купцу) [12, с. 195–196]. На одной

стороне данной подвески присутствует изображение трезубца Владимира Святославича, а на другой – «изображение меча, соединенного с молотом бога Тора» [18, с. 258]. С. В. Белецкий предположил, что держатель подвески выступал одновременно представителем Владимира Святославича и второго лица, который был современником киевского князя, принадлежал к числу выходцев из Скандинавии и обладал на Руси широкими полномочиями, равными статусу сыновей Владимира Святого. Таким возможным владельцем знака с молотом Тора мог быть Олав Трюггвасон [18, с. 158–259]. Как бы то ни было, и в данном случае можно увидеть указание на «вассальные» отношения двух князей с разным статусом. Такой же характер отношений можно усмотреть и на обнаруженной в Пскове подвеске (Мстислав Владимирович Тмутараканский и Судислав Владимирович) [1, с. 90].

Таким образом, должностное лицо, носившее трапециевидную подвеску с двумя геральдическими знаками, получало свои властные полномочия одновременно и от верховного правителя, и от князя, посаженного (как правило, отцом) на местный престол [2, с. 141]. Однако исследователи отмечают и ряд случаев, когда геральдические знаки на одной подвеске принадлежали равным по статусу князьям (например, псковскому князю

Судиславу Владимировичу и новгородскому князю Владимиру Ярославичу [18, с. 267–270] или тому же новгородскому князю и полоцкому князю Брячиславу Изяславичу [2, с. 144]). Данное обстоятельство (безусловно, если правильно атрибутированы геральдические знаки) требует внести некоторые коррективы в общепринятое представление о политической структуре Древней Руси.

В целом представляется возможным использовать весь комплекс данных, связанных с геральдическими подвесками (география находок, распределение по времени, владельческая принадлежность), для изучения проблемы функционирования налогово-даннической системы Древней Руси. Высказанное предположение о характере взаимоотношений лиц, которым принадлежат геральдические знаки на разных сторонах подвесок, может быть полезно при попытках их атрибуции, установлении принадлежности конкретным персонажам древнерусской истории. Вполне определенно носители трапециевидных подвесок являлись княжескими должностными лицами, чьи властные полномочия по сбору дани или осуществлению суда (что также было непосредственно связано с осуществлением финансовых процедур), требовали особой визуальной санкции в виде специального знака.

Библиографические ссылки

1. Королёва ЭВ. Подвеска с княжескими знаками из раскопок 1976 г. в Пскове (в продолжение дискуссии). В: Гайдуков ПГ, Закурина ТЮ, Косточук ЛЯ, Королёва ЭВ, Лабутина ИК, редакторы. *Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 61-го заседания семинара имени академика В. В. Седова; 14–16 апреля 2015 г.; Псков, Санкт-Петербург, Москва, Россия. Выпуск 31*. Москва: Институт археологии Российской академии наук; 2016. с. 79–91.
2. Белецкий СВ. Геральдическая подвеска № 101 и несколько замечаний о правовом статусе держателей подвесок. *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2014;5:139–145.
3. Петренко ВП. *Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья*. Санкт-Петербург: Наука; 1994.
4. Молчанов АА. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы. В: Валк СН, редактор. *Вспомогательные исторические дисциплины. Том VII*. Ленинград: Наука, 1976. с. 69–91.
5. Археологическая хроника. I. Деятельность ученых учреждений и обществ. *Известия Археологической Комиссии. Прибавление к выпуску*. 1914;52:3–59.
6. Лихачев НП. *Избранные труды. Том 1: Материалы для истории византийской и русской сфрагистики*. Москва: Языки славянской культуры; 2014.
7. Орешников АВ. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. *Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук*. 1930;2:87–112.
8. Рыбаков БА. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. *Советская археология*. 1940;6:227–257.
9. Молчанов АА. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские *jartegnir*. В: Андреев ЮВ, Андреева ТВ, Барышников НН, Безрукова МИ, Берков ВП и др., редакторы. *X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Часть I*. Москва: Академия наук СССР; 1986. с. 184–186.
10. Янин ВЛ. Археологический комментарий к Русской правде. В: Колчин БА, Янин ВЛ, редакторы. *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода*. Москва: Наука; 1982. с. 138–155.
11. Петренко ВП. Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладogi. *Краткие сообщения Института археологии*. 1977;150:55–62.
12. Крыласова НБ. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника. *Российская археология*. 1995;2:192–197.
13. Лабутина ИК, Кильдюшевский ВИ, Шапова ЮЛ. Раскопки в Пскове на ул. Ленина. В: Рыбаков ВА, редактор. *Археологические открытия 1976 г*. Москва: Наука; 1977. с. 23–24.
14. Лабутина ИК, Королёва ЭВ. К изучению подвески с княжескими знаками из раскопок 1976 г. в Пскове. В: *Асташова НИ. Славяне и иные языки... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. Труды Государственного исторического музея. Том 198*. Москва: Государственный исторический музей; 2014. с. 171–195.
15. Белецкий СВ. Еще раз о геральдической подвеске из раскопок в Пскове в 1976 г. В: Гайдуков ПГ, Занурина ТЮ, Косючук ЛЯ, Королёва ЭВ, Лабутина ИК, редакторы. *Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы*

61-го заседания семинара имени академика В. В. Седова; 13–14 апреля 2015 г.; Псков, Санкт-Петербург, Москва, Россия. Выпуск 31. Москва: Институт археологии Российской академии наук; 2016. с. 92–97.

16. Назарова ЕЛ. Из истории взаимоотношений ливов с Русью (X–XI вв.). В: Новосельцев АП. *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1985 г. Москва: Наука; 1986. с. 177–184.

17. Михеев СМ. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2014;4:45–63.

18. Белецкий СВ. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков. В: Мачинский М, редактор. *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург: Нестор-История; 2004. с. 243–319.

19. Белецкий СВ, Воронцова ИВ, Дмитриева ЗВ, и др. *Специальные исторические дисциплины*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2003.

20. Джаксон ТН. *Austr í Gørdum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках*. Москва: Языки славянской культуры; 2001.

21. Макаров НА, Носов ЕН, Янин ВЛ. Начало Руси глазами современной археологии. В: Садовничий ВА. *От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2013. с. 43–57.

22. Белецкий СВ. Древнерусские геральдические подвески (дополнение к своду). *Русский сборник*. 2016;6(1): 24–32.

23. Белецкий СВ. Новые находки геральдических подвесок X–XI вв. *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2015;6:215–229.

24. Мугуревич Э. Знак Рюриковичей или подвески знатных ливских женщин. *Austrvegr*. 1996;2:31–32.

25. Мельникова ЕА. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы). В: Новосельцев АП, редактор. *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы*. Москва: Наука; 1995. с. 16–33.

26. Котляр НФ. *Древнерусское государство*. Санкт-Петербург: Алетейя; 1998.

27. Темушев СН. О причинах политической обособленности Полоцкой земли. В: Касович АВ, Шупляк СП, Корзак АА, Великий АФ, редакторы. *Белорусская государственность: истоки, становление, развитие (IX–XXI вв.)*. Материалы Республиканской научно-теоретической конференции; 29 июня 2017 г; Минск, Беларусь. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2017. с. 5–8.

28. Платонова НИ. Древнерусские погосты – новая старая проблема. В: Мельникова ЕА, редактор. *Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: предпосылки и пути образования Древнерусского государства*. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке; 2012. с. 328–388.

29. Темушев СН. К вопросу о роли налогово-даннической системы в генезисе и развитии Древнерусского государства. В: Садовничий ВА, редактор. *От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2013. с. 213–222.

30. Адрианова-Перетц ВП, редактор. *Повесть временных лет*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Наука; 1996.

31. Темушев СН. К вопросу о причинах политической раздробленности Древней Руси. В: Янин ВЛ, Арапов ДЮ, Борисов НС, Вдовина ЛН, Волонкова СВ, редакторы. *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Материалы к международной научной конференции; 21–23 ноября 2013 г.; Москва, Россия. Выпуск 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л. В. Милова*. Москва: [б. и.]; 2013. с. 56–60.

32. Мельникова ЕА. К вопросу о происхождении знаков Рюриковичей. В: Мельникова ЕА. *Древняя Русь и Скандинавия*. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке; 2011. с. 241–248.

33. Лебедев ГС. *Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси*. Санкт-Петербург: Евразия; 2005.

34. Молчанов АА. Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика. В: Макаров НА, редактор. *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*. Москва, Вологда: Древности Севера; 2012. с. 436–447.

35. Янин ВЛ. Дары новгородской почвы. Находки и открытия в славянском центре на Волхове. *Родина*. 2006;4: 16–20.

36. Костомаров НИ. Начало единой державы в Древней Руси. В: Костомаров НИ. *Исторические монографии и исследования. Том 12*. Санкт-Петербург: Типография А. Транвиеля; 1872. с. 3–152.

37. Белецкий С. Лично-родовые знаки князей-Рюриковичей на металлических подвесках XI в. *Ruthenica*. 2002;1: 134–151.

References

1. Koroleva EV. Pendant with princely signs from the 1976 excavations in Pskov (in discussion continuation). In: Gaidukov PG, Zakurina TYu, Kostychuk LYa, Koroleva EV, Labukina IK, editors. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli. Materialy 61 zasedaniya seminara imeni akademika V.V. Sedova; 14–16 aprelya 2015 g.; Pskov, Sanki-Peterburg. Moskva, Rossia. Vypusk 31*. [Archeology and history of Pskov and Pskov land: Materials of 61 saddle of seminar bamed of academican V. V. Sedov; 2015 April 14–16; Pskov, Saint Petersburg, Moscow, Russia. Issue 31]. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences; 2016. p. 79–91. Russian.

2. Beletskii SV. Heraldic Pendant no 101 and some comments about the Legal Status of Pendants' Holders. *Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology*. 2014;5:139–145. Russian.

3. Petrenko VP. *Pogrebal'nyi obryad naseleniya Severnoi Rusi VIII–X vv. Sopki Severnogo Povolkhov'ya* [Funeral rite of the population of Northern Russia VIII–X centuries. Hills of the Northern Volga]. Saint Petersburg: Nauka; 1994. Russian.

4. Molchanov AA. [Pendants with Rurikovich signs and the origin of the Old Russian bull]. In: Valk SH, editor. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. Tom VII*. Leningrad: Nauka; 1976. p. 69–91. Russian.

5. [Archaeological chronicle. I. Activities of scientists of institutions and societies]. *Izvestiya Arkheologicheskoi Komissii. Pribavlenie k vypusku*. 1914;52:3–59. Russian.

6. Likhachev NP. *Izbrannye trudy. Tom 1: Materialy dlya istorii vizantiiskoi i russkoi sfragistiki* [Selected works. Tom 1: Materials for the history of Byzantine and Russian Sphragistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2014. Russian.

7. Oreshnikov AV. [Classification of the oldest Russian coins according to patrimonial signs]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie gumanitarnykh nauk*. 1930;2:87–112. Russian.

8. Rybakov BA. [Signs of ownership in the princely economy of Kievan Rus X–XII centuries]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1940;6:227–257. Russian.

9. Molchanov AA. [Credentials of Kiev princes and Old Norse jarategnir]. In: Andreev YuV, Androsova TV, Baryshnikov MI, Bezrukova MI, Berkov VP, et al., editors. *X Vsesoyuznaya konferentsiya po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka Skandinavskikh stran i Finlyandii. Chast' I*. Moscow: Academician of Sciences of USSR; 1986. p. 184–186. Russian.
10. Yanin VL. [Archaeological Commentary on the Russian Truth]. In: Kolchin BA, Yanin VL, editors. *Novgorodskii sbornik. 50 let raskopok Novgoroda*. Moscow: Nauka; 1982. p. 138–155. Russian.
11. Petrenko VP. [Excavations of the hill in the tract Pobedische near Staraya Ladoga]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii*. 1977;150:55–62. Russian.
12. Krylasova NB. [Suspension with a sign of Rurikovich from Christmas repository]. *Rossiiskaya arkhologiya*. 1995;2:192–197. Russian.
13. Labutina IK, Kil'dyushevskii VI, Shchapova YuL. [Excavations in Pskov on Lenin Street]. In: Rybakov VA, editor. *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 g*. Moscow: Nauka; 1977. p. 23–24. Russian.
14. Labutina IK, Koroleva EV. [To study the suspension with princely marks from the excavations of 1976 in Pskov]. In: Astashova NI. *Slavyane i inye yazytsi... K yubileyu Natal'i Germanovny Nedoshivinoi. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Tom 198*. Moscow: State Historical Museum; 2014. p. 171–195. Russian.
15. Beletskii SV. [Once again about the heraldic suspension from excavations in Pskov in 1976]. In: Gaidukov PG, Zhanurina TYu, Kosyuchuk LYa, Koroleva EV, Labutkina IK, editors. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli. Materialy 61-go zasedaniya. Seminara imeni akademika V. V. Sedova; 13–14 aprelya 2015 g.; Pskov, Sankt-Peterburg. Moskva, Rossia. Vypusk 31*. [Archeology and history of Pskov and Pskov land: Materials of 61 saddle of seminar bamed of academician V. V. Sedov; 2015 April 13–14; Pskov, Saint Petersburg, Moscow. Issue 31]. Moscow: Institute of Archeology, Russian academy of sciences; 2016. p. 92–97. Russian.
16. Nazarova EL. [From the history of Livonian relations with Rus' (X–XI centuries)]. In: Novosel'tsev AP. *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1985 g*. Moscow: Nauka; 1986. p. 177–184. Russian.
17. Mikheev SM. [To the problem of attribution of Rurikovich signs]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2014;4:45–63. Russian.
18. Beletskii SV. [Pendants with the image of ancient Russian princely symbols]. In: Machinskii D, editor. *Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniya pamyati Anny Machinskoi*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya; 2004. p. 243–319. Russian.
19. Beletskii SV, Vorontsova IV, Dmitrieva ZV, et al. *Spetsial'nye istoricheskie distsipliny* [Special historical disciplines: Textbook]. 2nd edition. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin; 2003. Russian.
20. Dzhakson TN. *Austr í Görðum: Drevnerusskie toponimy v drevneskandinavskikh istochnikakh* [Austr í Görðum: Old Russian toponyms in Old Norse sources]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2001. Russian.
21. Makarov NA, Nosov EN, Yanin VL. [The beginning of Russia through the eyes of modern archeology]. In: Sadovnichii VA. *Ot Drevnei Rusi k Rossiiskoi Federatsii: istoriya rossiiskoi gosudarstvennosti*. Saint Petersburg: Aleteiya; 2013. p. 43–57. Russian.
22. Beletskii SV. [Old Russian heraldic pendants (addition to the vault)]. *Russkii sbornik*. 2016;6(1):24–32. Russian.
23. Beletsky SV. New finds of Heraldic Pendants of the 10th–11th Centuries. *Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology*. 2015;6:215–229. Russian
24. Mugurevich E. [Sign of Rurikovich or suspension of noble Livonian women]. *Austrvegr*. 1996;2:31–32. Russian.
25. Mel'nikova EA. [To the typology of pre-state and early state formations in North and North-Eastern Europe (posing the problem)]. In: Novosel'tsev AP, editor. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. Materialy i issledovaniya. 1992–1993 gody*. Moscow: Nauka; 1995. p. 16–33. Russian.
26. Kotlyar NF. *Drevnerusskoe gosudarstvo* [The Old Russian State]. Saint Petersburg: Aleteiya; 1998. Russian.
27. Temushev SN. [On the reasons for the political isolation of the Polotsk land]. In: Kasovich AV, Shumpliak SP, Korzak AA, Velikii AF, editors. *Belorusskaya gosudarstvennost': istoki, stanovlenie, razvitie (IX–XXI vv.): Materialy Respublikanskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii; 29 iyunya 2017 g.; Minsk, Belarus*. Minsk: Republican Institute of Higher School; 2017. p. 5–8. Russian.
28. Platonova NI. [Old Russian pogosts – a new old problem]. In: Mel'nikova EA, editor. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2010 god: predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva*. Moscow: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke; 2012. p. 328–388. Russian.
29. Temushev SN. [On the Role of the Tax and Data System in the Genesis and Development of the Old Russian State]. In: Sadovnichii VA, editor. *Ot Drevnei Rusi k Rossiiskoi Federatsii: istoriya rossiiskoi gosudarstvennosti*. Saint Petersburg: Aleteiya; 2013. p. 213–222. Russian.
30. Adrianova-Peretts VP, editor. *Povest' vremennykh let* [The Tale of Past Years]. 2nd edition. Saint Petersburg: Nauka; 1996. Russian.
31. Temushev SN. [To the question of the reasons for the political fragmentation of Ancient Rus]. In: Yanin VL, Arapov DYu, Borisov NS, Vdovina LN, Volonkova SV, editors. *Rus', Rossia: Srednevekov'e i Novoe vremya. Materialy k mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 21–23 noyabrya 2013 g.; Moskva, Rossia. Vypusk 3: Tret'i chteniya pamyati akademika RAN L. V. Milova*. Moscow: [publisher unknown]; 2013. p. 56–60. Russian.
32. Mel'nikova EA. [On the origin of the signs of Rurikovich]. In: Mel'nikova EA. *Drevnyaya Rus' i Skandinaviya*. Moscow: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke; 2011. p. 241–248. Russian.
33. Lebedev GS. *Epokha vikingov v Severnoi Evrope i na Rusi* [The Age of Vikings in Northern Europe and in Russia]. Saint Petersburg: Evraziya; 2005. Russian.
34. Molchanov AA. [Signs of Rurikovich: Old Russian princely emblematic]. In: Makarov NA, editor. *Rus' v IX–X vekakh: arkhologicheskaya panorama*. Moscow, Vologda: Drevnosti Severa; 2012. p. 436–447. Russian.
35. Yanin VL. [Gifts of Novgorod soil. Findings and discoveries in the Slavic center on the Volkhov]. *Rodina*. 2006;4:16–20. Russian.
36. Kostomarov NI. [The beginning of the autocracy in Ancient Rus]. In: Kostomarov NI. *Istoricheskie monografii i issledovaniya. Tom 12*. Saint Petersburg: A. Tranvielya's tipograph; 1872. p. 3–152. Russian.
37. Beletskii S. [Personal-family signs of princes-Rurikovich on metal pendants of the XI century]. *Ruthenica*. 2002;1:134–151. Russian.